

БЫЛИННО-ГЕРОИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «БОГАТЫРЬ» КАК ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «СВЕРХЧЕЛОВЕК» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Беляев Д. А.

ФГБОУ ВПО Липецкий государственный педагогический университет, Липецк, Россия (398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42) dm.a.belyaev@gmail.com

---

Данная статья продолжает серию научно-исследовательских работ, посвященных актуальной тематике – изучению концепта «сверхчеловек» в пространстве культуры. Отечественная культура также стала сферой бытования идеи сверхчеловека, и первым ее воплощением стал образ богатыря в русском былинно-героическом эпосе. В работе анализируется семантическая наполненность концепта «богатырь», ее связь с типической сверхчеловеческой атрибутикой. Отдельно рассматривается эволюция образа богатыря в контексте культурного нарратива, его синкретически-мифологическая и обобщенно-историческая формы репрезентации, являющиеся этапами имплицитного формирования идеи сверхчеловека. Также отмечаются самобытно-культурные черты отечественного локального концепта сверхчеловека.

Ключевые слова: богатырь, герой, сверхчеловек, былина, богатырская атрибутика, мифология, поколения богатырей.

CONCEPT OF EPICS AND HEROIC "BOGATYR" AS A LOCAL VARIANT OF EXPLICATION OF THE CONCEPT "OVERMAN" IN OUR CULTURE

Belyaev D. A.

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia (398020, Lipetsk, Lenin's street, 42) dm.a.belyaev@gmail.com

---

This article continues a series of research papers on topical issues, namely the study of the concept "Overman" in the space of the culture. Russian culture has also become a sphere of existence the idea of overman, and the first incarnation of it was the image of the hero in the Russian epic-heroic epic. This paper analyzes the semantic content of the concept "hero" and its connection with typical overman attributes. Separately, the evolution of the image of the hero in the context of the cultural narrative, its syncretic-mythological-historical and generalized forms of representation, is the stage of the formation of the implicit idea of the overman. Also recorded is original and cultural features of the domestic local concept of the overman.

Keywords: bogatyr, hero, overman, epic, Warriors paraphernalia, mythology, generation of heroes.

Концепт «сверхчеловек» является неотъемлемой и значимой частью пространства культуры, концентрируя в себе предельные антропологические, аксиологические и социокультурные модели ее перспективного развития. В рамках генезиса отечественной культуры и духовной самоидентификации русского человека было сформировано несколько локальных вариантов репрезентации концепта сверхчеловека. Первым дискурсом объективации идеи сверхчеловека стало былинно-эпическое мифологическое пространство. Вообще былины стали результатом стихийной народной рефлексии, имплицитного, мифологически-художественного осмысления, соотнесения пространств человеческого (культурного) и природного, а также дискурсом формирования национально-государственного самосознания. Все это позволяет считать былину «синкретическим сгустком» изначальной русской культуры, вместившим в себя ее базовые смыслы, ценности и модели развития, важной частью которых стала идея сверхчеловека, нашедшая выражение в концепте «богатырь». Представляется актуальным с точки зрения исследования изначального кода отечественной культуры

рассмотрение концепта «богатырь» как феномена локальной концептуализации сверхчеловеческой модели.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского анализа, а также лингвосемантической и герменевтической реконструкции. Ее целью является, во-первых, выявление и четкая фиксация богатырской атрибутики и ее первичное соотнесение с типически сверхчеловеческими характеристиками; во-вторых, прослеживание в былинном дискурсе генезиса семантики богатырского (имплицитно сверхчеловеческого) архетипа, и ее соотнесение со сменой доминантных форм общественного сознания в контексте культурно-исторической изменчивости; в-третьих, анализ степени отражения в концепте «богатырь» типологических черт сверхчеловека, артикуляция их сходства / различия в разных «богатырских поколениях».

Итак, начиная рассмотрение феномена былинно-эпического богатыря в контексте отечественной культуры, необходимо обратить внимание на то, что относительно этимологической генеалогии самого слова «богатырь» в научном сообществе нет единого мнения [1]. Однако есть некоторые основания полагать, что русское слово «богатырь» заимствовано от древнетюркского «*bagatur*» («герой»), а оно, в свою очередь, восходит к индоарийскому «*bhaga-tur*» («полный сил, наделенный силой и богатством») [1; 10; 11]. Соответственно уже в этом индоарийском термине присутствует один из традиционных сверхчеловеческих атрибутов – сила, с которой, в первую очередь, ассоциируется *bhaga-tur* и которая будет неотъемлемым атрибутом русского богатыря.

Давая базовое и одновременно рабочее определение феномену богатыря в русской литературно-эпической традиции, можно сказать, что богатырем являлся воин, обладающий исключительными физическими, волевыми и нравственными качествами, благодаря которым он преодолевал сверхсложные, в масштабе «обычных» человеческих возможностей, препятствия, решал соответствующие социокультурные и государственно-политические задачи, а также побеждал сверхсильных врагов.

Исследователи героического эпоса отмечают в целом единообразие богатырской атрибутики [8, с. 39, 48], в которой можно выделить два уровня. К первому относятся личные качественные характеристики богатыря, а ко второму – комплекс типологической деятельной направленности богатыря как первичного социокультурного актора.

Среди личных качеств богатырей принято выделять «необычайную» физическую силу, отчаянную храбрость и смелость, «мужественную красоту», а также сверхактивное волевое начало [3; 5; 6; 9]. Все эти качества в богатыре актуализируются в модусе «сверх», что прямо соотносится с базовой сверхчеловеческой атрибутикой. При этом В. М. Жирмунский справедливо отмечает, что в образе идеального богатыря сохраняется равновесие между эпи-

чески-героической составляющей и «мерой человеческого» [2, с. 248], т.е. богатырь равномерно сочетает в себе, с одной стороны, «героизированный облик человека», с другой стороны, – ряд сверхчеловеческих характеристик. Соответственно богатырь, как и модель общетипологического сверхчеловека обладает, прежде всего, сверхчеловеческой силой, храбростью и волевой деятельной энергетикой.

Помимо указанных личных качеств богатырь репрезентирует свою богатырскую сущность через специфическую деятельную активность, выступающую пространством его статусной идентификации как героя-богатыря, в социокультурной реальности. Выражается она в актах героической батальной деятельности: сражении с врагом-чудовищем или сражении с войском-захватчиком. Важно отметить, что практически всегда подвиг богатыря помещается в более широкий социально-этический или государственно значимый контекст. Например, Илья Муромец, побеждая Удолище Поганое, тем самым спасает Киев от «темной враждебной силы», аналогичная ситуация воспроизводится в сюжете противоборства Алеши Поповича и Тугарина; Добрыня Никитич, одолев Змея Горыныча, освобождает Забаву Путятишну, племянницу князя Владимира. В. Я. Пропп констатирует, что русский богатырь «никогда не едет на совершение бесцельных подвигов» [9, с. 189], имея в виду то, что подвиг не обладает самостоятельной ценностью как таковой, а служит решению некой более широкой общественно значимой задачи. Здесь очевидны параллели между образами богатыря и античного героя, которых роднит некоторая сверхчеловеческая антропологическая атрибутика и тяга к деятельной экспликации собственной героической доминанты в социокультурной реальности их бытийствования, которая имеет как мифологические, так и псевдоисторические черты. В итоге герой-богатырь становится важнейшим элементом-актором благополучного снятия общегосударственных внешних угроз и устроения ценностно желаемого пространства социокультурной реальности.

Образ богатыря, как героического персонажа эпоса, его архетипические основания и связь с конкретным социокультурным дискурсом исторически менялись. Можно выделить, по крайней мере, два поколения богатырей – старшие и младшие. К «старшим» богатырям, из наиболее эпически значимых, относятся Святогор, Микула Селянинович и Дунай Иванович. Каждый из них является олицетворением наиболее архаических представлений, связанных с процессом субъектного выделения человека из природного мира. Эти богатыри были тесно связаны со стихийными и природными началами, что отразилось уже в самих именах богатырей, которые являются «говорящими», т.е. уже на уровне лингвоформы несущими важный семантический посыл. У «старших» богатырей слабо выражена «мера человеческого», они скорее подобны «природным титанам», имеющим антропоморфические черты. Например, Святогор – это богатырь колоссальной силы и размеров, по масштабам сравни-

мый с горой [3, с. 121–126]. Дунай Иванович, антропометрически описываемый при жизни как обычный человек-богатырь, после смерти становится истоком реки Дунай [3, с. 13–29], тем самым отождествляясь с водной стихией. Микула Селянинович, являясь наиболее народно-крестьянским богатырем, ведет свою генеалогию от Матери Сырой Земли. В нем сходятся Земля, как один из природных первоэлементов, и «человеческий элемент» в виде собирательной народности. По тексту былин имплицитно подразумевается, что Микула Селянинович богатырь исполинских размеров и огромной силы, которую, однако, применяет лишь в повседневном быту – работе на земле [3, с. 102–112]. Наконец, Вольга Святославович, как один из древнейших персонажей в русском фольклоре, прямо и непосредственно сочетает в себе животные и человеческие начала, обладая способностью к оборотничеству, а также понимая язык птиц и животных. В итоге, можно констатировать, что в образах архаических богатырей наличествует положительный синкретизм природного и человеческого начал. Они являются этапом «освоения», очеловечивания природы.

Первое поколение богатырей, безусловно, еще не является «чистыми» модельными вариантами сверхчеловека, т.к. формирование сверхчеловека предполагает наличие базовой «человеческой матрицы», которая трансформируется в модусе «сверх». В данном же случае становление образов этих богатырей идет от природы, стихийных сил, на которые накладывается человеческий элемент. Однако «стихийные богатыри» интересны с точки зрения примера первой антропологической трансформации, объективированной на уровне общественного сознания в былинах.

Младшее поколение богатырей уже не имеет непосредственной связи с природно-стихийными элементами. «Мера человеческого» и социокультурной контактности в них гораздо выше, чем в старшем поколении богатырей. Хотя связь с природно-мифологическими началами присутствует и в них. Так, например, главный среди второго поколения богатырей – Илья Муромец, имеет связь со «старшими» богатырями. Во-первых, Илья Муромец оказывается архетипическим наследником Микулы Селяниновича, так же являясь «народным» богатырем и представителем крестьянства. Помимо этого, «добрый конь» Ильи – это бывший жеребенок кобылы Микулы. Во-вторых, в одной из былинных версий Илья Муромец получает силу от Святогора. Одновременно здесь же фиксируется дистанция между «старшими» и «младшими» богатырями – Илья получает не всю силу Святогора, а лишь ее часть, считая, что обладание «всей силой богатырской», бесконечно превосходящей человеческую, будет препятствовать земному существованию [3, с. 125–126]. То есть в «младших» богатырях происходит ограничение внечеловеческого титанизма первого поколения богатырей, тем самым они, с одной стороны, сближаются с «человеческим» дискурсом бытийствования, с другой стороны, – сохраняют сверхчеловеческие атрибуты.

Конструкционная типологическая матрица «младших» богатырей первично исходит из «человеческого» элемента, который насыщается сверхчеловеческими характеристиками. Теперь богатырь больше понимается как модель «совершенного человека». В этой связи показательно имя одного из наиболее известных «младших» богатырей – Добрыня Никитич. Этимологически древнеславянское имя «Добрыня», имеющее корневое слово «добрый», т.е. «наилучший», «совершенный», «говорит» о превосходной степени, высшем качественном состоянии. Поэтому именование богатыря «Добрыней» является обозначением совершенной степени его богатырского состояния. Соответственно, «Добрыня», рассматриваемый в богатырском модусе, – это «совершенный человек». В связи с этим богатыри данного поколения уже могут быть признаны локальными вариантами концепта «сверхчеловек».

За редким исключением [8, с. 84] былины умалчивают о генеалогии богатырей и способе обретения ими богатырских качеств. В раннем эпосе присутствуют отдельные ссылки на то, что богатырь рождается в результате скрещивания неких природно-стихийных сил и человека, а в более поздних былинах, под влиянием христианства, на место природного фактора приходит «божественная сила», сошедшая на человека и наделяющая его некоторыми сверхчеловеческими характеристиками. В любом случае в былинах нет акцентирования внимания на моменте становления богатыря, его трансформации из «обычного» человека в героя-богатыря. Эпос, как правило, уже изначально констатирует данность богатыря, как неотъемлемой части репрезентируемого социокультурного дискурса.

Важной составляющей раскрытия образа богатыря является описание его врага-антагониста, т.к. через борьбу с ним эпический герой, во-первых, подтверждает свой богатырский статус; во-вторых, деятельно эксплицирует свои ценностные установки; в-третьих, фиксирует свои социокультурные задачи как актора исторической со-бытийности.

Итак, можно выделить два типа врагов-антагонистов былинных богатырей: сказочно-мифологические и исторические противники.

Сказочно-мифологические антагонисты – это собирательные образы наиболее архаических врагов, персонифицированных, как правило, в определенных зооморфных существах, обладающих волшебной силой. Наиболее часто встречаемым видом таких врагов является змей. Например, Добрыня Никитич дважды вступает в противоборство со Змеем Горынычем; Алеша Попович побеждает Змея Тугарина; Никита Кожемяка был известен как богатырь-змееборец.

Известный этнограф-фольклорист В. Ф. Миллер, а вслед за ним и А. В. Марков связывали образ змея в русских былинах с художественным отражением христианской символики, т.е. змей – это символ дьявола, ада, язычества [4; 7]. Соответственно борьба со змеем виделась как акт религиозного столкновения с дьявольской силой. Однако В. Я. Пропп убедил

тельно доказывает, что введение змея в христианский семантический контекст является принципиально неверным [9, с. 190–192]. Змей изначально обладает более архаической символикой, «в нем воплощены опасные для человека и губительные для него силы стихий природы» [9, с. 192]. В связи с этим по-новому раскрывается образ богатыря как змеборца. Богатырь, через борьбу со змеем, предстает как культурный герой, подчиняющий себе враждебные силы природы.

Показателен первый эпизод столкновения Добрыни Никитича со Змеем Горынычем. Здесь уже на уровне топологической семантики именованная наглядна эволюция от Святогора-богатыря к Змею *Горынычу*. Топоним горы как природный элемент преодолевает положительный синкретизм с человеческим началом и начинает восприниматься как враждебное начало. Богатырь оказывается силой, осуществляющей акт эмансипации человека от природы. Добрыня намерено отправляется купаться в Пучай-реке, где обитает Змей. Он вступает с ним в противоборство и подчиняет себе, тем самым осуществляя акт «расколдовывания» и окультуривания некогда табуированного природного пространства.

Е. М. Мелетинский справедливо отмечает, что постепенно эпические враги «теряют облик мифологических чудовищ и приобретают черты исторических врагов» [6, с. 434]. Это заметно на примере более поздней былинной репрезентации образа змея. Так описание основного антагониста Алеши Поповича Змея Тугарина имеет некоторые исторические черты. Тугарин – это уже не столько чудовище, сколько собирательный образ вражеской силы (кочевников), угрожающей государству (Киеву). Другим переходным примером врага является Соловей-разбойник, побежденный Ильей Муромцем. С одной стороны, Соловей-разбойник – это мифологический враг, лесное чудовище, с другой стороны, в былинке о нем заметен мотив государственного служения Ильи Муромца, а сама казнь антагониста происходит на Куликовом поле, что имеет прямые коннотации с конкретными исторически-батальными сюжетами. Наконец, Идолище Поганое, подобно Тугарину, угрожает и даже захватывает Киев, а акт батального столкновения с ним пронизан пафосом идеи освободительной борьбы с захватчиком «земли русской», т.е. татарами. Соответственно исторические враги превращают богатыря в общественно-государственного героя, патриотического воина-освободителя.

Отдельно необходимо отметить, что некоторые традиционные сверхчеловеческие атрибуты не находят своего выражения в богатыре как первом отечественном народном варианте концепта «сверхчеловек». В первую очередь, обращает на себя внимание отсутствие в концепте богатыря ярко выраженной линии на «переоценку ценностей». Лишь момент противоборства «младших» богатырей со стихийными элементами можно интерпретировать в модусе переоценки изначально-архаических ценностей. В остальных случаях богатырь скорее выступает как охранительная сила, защищающая социокультурную традицию, поэтому

ему чужды любые нигилистические интенции. Далее, устремленность к бессмертию как важнейшему сверхчеловеческому атрибуту также явно отсутствует среди богатырских целевых установок. Между тем, былинный нарратив зачастую обходит фактор актуальной смерти героя-богатыря. Н. В. Петров справедливо отмечает, что «смерть в ее различных формах как прекращение земного существования героя вообще не свойственна русскому эпосу» [8, с. 155]. Соответственно смерть присуща богатырю лишь в модусе потенциальности.

В заключение можно констатировать, что концепт «богатырь» является первым примером в отечественной культуре выражения идеи сверхчеловека, глубоко пронизанной мифологическими мотивами. «Старшие» богатыри оказываются «стихийными титанами», в которых фиксируется синкретизм человеческого и природного начал. «Младшие» богатыри осуществляют «героическую эмансипацию», разрывающую синкретическую связь человека и природы, становясь «культурными» акторами, а несколько позднее и социально-политическими. Рассмотренная модель сверхчеловеческих представлений сохраняла свою актуальность в отечественной культуре вплоть до XVI–XVII веков.

Список литературы

1. Густерин П. Богатырская наша сила [Электронный ресурс]. URL: http://rusplt.ru/articles/life/life_782.html (дата обращения: 25.02.2013).
2. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. – М.: ОГИ, 2004. – С. 234–350.
3. Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. – М.: Издание книгопродавца А. Д. Ступина, 1902. – 361 с.
4. Марков А. В. Из истории русского былинного эпоса. – 1907. – 212 с.
5. Мелетинский Е. М. О былинных мотивах // Фольклор и народная культура. – М., 2003. – С. 335–351.
6. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963. – 462 с.
7. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892. – 232 с.
8. Петров Н. В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 301 с.
9. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М.: Лабиринт, 1999. – 640 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.
11. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.

Рецензенты:

Ромах Ольга Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов.

Попков Василий Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических теорий Липецкого государственного педагогического университета, г. Липецк.